

Когда-то давно, собственноручно убив Цзян Увана, Чжоу Сывэй едва не сошел с ума. Причем сошел с ума обладающий непобедимой, чудовищной силой безумец: он искал Цзян Увана по всему миру, свято веря, что тот переродился в новом теле.

В конце концов шесть великих сект праведного пути объединили силы и заточили Чжоу Сывэй вместе с мечом Десяти Адов на вершине Холодного Омута в секте Шанъянь.

Ха! Такого демона, как Цзян Уван, следовало быстереть в порошок и развеять пепел, чтобы он из поколения в поколение не смел даже помышлять о круговороте перерождений.

Сидевшему перед ним владыке Пэнлая на миг показалось, будто в глазах мелькнул всполох ярко-красных одежд. Стоило тому легко и небрежно бросить взгляд назад, как в сердце сама собой распустилась нежная алая цветочница, переполняя душу беззвучным ликованием.

Он прикрыл глаза, изгоняя из разума терзавших его уже целое столетие демонов наваждения, и отчетливо произнес:

— Зачем пожаловал глава Чжоу?

Чжоу Сывэй коротко и ясно изложил причину своего визита:

— Прошу владыку Пэнлая исчислить по гадательным костям местонахождение Цзян Увана.

— Цзян Уван. — Пэнлайский владыка беззвучно повторил это имя. — Он уже мертв.

Чжоу Сывэй никогда не верил, что Цзян Уван погиб.

Тогда его еще не остывшее тело покоилось на руках у Чжоу Сывэй, а затем вдруг исчезло без малейшего следа.

В те дни Чжоу Сывэй уже был сильнейшим мастером мира бессмертных, но сколько бы духовных сил он ни тратил, отыскать след Цзян Увана так и не смог.

Поэтому он не верил, что Цзян Уван умер.

Пэнлайский владыка попытался вразумить его:

— Прошу главы сект праведного пути поставить превыше всего.

— Секта Шанъянь мне больше не нужна.

Чжоу Сывэй стоял на самой вершине Облачных Небес. Его точеная фигура казалась пучком

зеленого бамбука — одинокая, гордая и холодная. Слова слетали с его губ легко и непринужденно, но никто не смел пренебречь ими.

— Праведный путь мне тоже больше не нужен.

Владыка Пэнлая вздрогнул. Собрав духовную энергию в зрачках, он прорвал преграду перед собой и устремил взгляд вдаль.

Тело Чжоу Сывэй опутывали невидимые клубы черного тумана. Первый мастер праведного пути был уже на волосок от того, чтобы пасть в Путь Демонов.

Пэнлайский владыка на мгновение задумался, принимая решение:

— Прошу главу Чжоу войти и обсудить всё. Дело это чрезвычайно важное, за миг гадание не завершить.

Долго остававшаяся закрытой тяжелая дверь медленно отворилась.

Стоявший внутри молодой служка никогда прежде не видел столь грозной расстановки сил и дрожащим голосом произнес:

— Глава Чжоу, про... прошу, входите.

Как только Чжоу Сывэй переступил порог, створки вновь бесшумно сошлись.

В тот же миг в небе взмыла синяя птица, обратилась яркой полосой света и растаяла в вышине.

Она несла послание от владыки Пэнлая к шести великим сектам: Чжоу Сывэй пал в Путь Демонов, просим всех товарищей по праведному пути прибыть в Пэнлай на помощь, чтобы истребить демона и защитить Путь Истины!

Насмотревшись на чужие страсти и вдоволь поглазев по сторонам, Цзян Юньси отвел взгляд и лишь теперь заметил неладное со старшим братом.

— Братец, что с тобой?

Цзян Жунъи протянул руку и провел по лицу — все пальцы оказались в наполовину запекшейся крови. Перед глазами по-прежнему клубилась черная вуаль, скрывая мир так надежно, что разобрать хоть что-то было совершенно невозможно.

Тань Цзинфан уже собирался выразить участие, но раздавшийся неподалеку звон колокола оборвал его мысли. Ему оставалось лишь на ходу бросить пару напутствий:

— У меня срочные дела, я должен идти. Бессмертный жук проводит вас в Зал учеников.

Уходя, он не забыл выудить из рукава небольшой нефритовый флакон и сунуть его в руку Цзян Жунъи.

Внутри флакона плескались пилюли восполнения крови, предназначенные для исцеления ран — их по праву можно было назвать духовным лекарством высшего, девятого ранга.

Цзян Жунъи вытряхнул на ладонь изумрудно-зеленую пилюлю и, словно хрустя леденцами, единым махом закинул ее в рот. Лекарство мгновенно растворилось, превратившись в густой поток прохладной духовной энергии, который в первую очередь устремился к его пострадавшим глазам. Благодаря этому он кое-как снова обрел способность сносно видеть всё, что находилось в пределах трех шагов.

Он бросил взгляд на Облачные Небеса — фигуры Чжоу Сывэя там уже не было.

Новички селились в Зале учеников: им предстояло пройти через определенный период тренировок, чтобы укрепить волю и намерения, и лишь после этого они могли официально поклониться своим наставникам и вступить в секту.

Поскольку Цзян Жунъи числился среди раненых, стоило им добраться до Зала учеников, как он тут же рухнул на кровать и, зажмурившись, стал слушать, как Цзян Юньси хлопочет по хозяйству.

Когда вокруг наконец стихло, в его голове вновь зароились праздные мысли.

Почему Чжоу Сывэй упорно отказывается вознестись? И не просто отказывается, а рыщет повсюду в его поиках?

Неужели он прознал, что этот злодей еще не до конца откинул коньки, и решил вытащить его на свет божий, чтобы вонзить меч еще разок?

Размышляя так и эдак, он незаметно для себя заснул.

Цзян Жунъи обычно спал крепко, но сегодня ему почему-то приснился странный сон.

В самом сне не было никаких пейзажей или картин — в ушах лишь неотступно звучал назойливый, раздражающий голос:

— Внимание! Внимание!

— Цзян Жунъи, чрезвычайное предупреждение!

Цзян Жунъи от этого галдежа заболела голова, и он рявкнул:

— Что за шум! Заткнись!

Голос на мгновение замолк, а затем зачастил вновь, монотонно повторяя одни и те же фразы.

Цзян Жунъи открыл глаза и уставился на мерцающие перед ним огоньки.

Оказывается, это был не сон.

— Ты чего вернулся? — Цзян Жунъи прижал пальцы к вискам и недовольно бросил.

Система отыгрыша роли злодея слегка заикнулась, настраивая угодливый электронный тон:

— Позвольте осведомиться, нет ли у вас желания заключить повторный контракт?

Цзян Жунъи проникся глубочайшей трогательностью момента, после чего решительно отказался.

## 7.7

Система отыгрыша роли злодея к тому моменту уже отделилась от носителя и, превратившись в сгусток мерцающего света, парила в воздухе. Услышав отказ, она затрепетала от тревоги.

— Предупреждение! Сюжет вышел из-под контроля!

Цзян Жунъи напомнил:

— Я уже уволился.

Система на миг потеряла дар речи. Изначально она собиралась покинуть мир Восхождения бессмертных, вернуться для сдачи отчета, а затем подыскать какого-нибудь несчастного бедолагу, чтобы сделать его своим новым носителем. Однако, не успев даже отлететь, она обнаружила, что в судьбе главного героя произошел серьезнейший сюжетный сбой.

Согласно сценарию, Чжоу Сывэй давным-давно должен был вознестись в мир бессмертных, чтобы начать новый виток странствий.

Но вместо этого он до сих пор околачивался в мире смертных, и сколько Небесный Путь ни призывал его к вознесению, тот упрямо отказывался.

Подобное самоуправство нарушало порядок Небесного Пути, и последствия этого были совершенно непредсказуемы.

Система, стараясь говорить кратко и по существу, обрисовала всю серьезность сложившейся ситуации.

Цзян Жунъи тяжело вздохнул:

— Но...

— Никаких «но»! — строго оборвала его система. — Согласно сценарному анализу, главный герой вот-вот падет в Путь Демонов, подвергнется облове шести великих сект и в конце концов сгинет в Пучине Рождения Демонов.

Не вмешайся система вовремя, дальнейшие события развивались бы именно по этому сценарию.

Сильнейшие мастера шести великих сект выступили бы единым фронтом, и сколь бы ни был Чжоу Сывэй первым мастером праведного пути, ему не выстоять против объединенной мощи стольких противников.

Пусть он и обладает главным геройским уделом удачи и пользуется благоволением Небесного Пути, но сейчас, когда сюжет пошел наперекосяк, Небесный Путь уже не сможет его защитить.

В финале его ждала бы семидневная битва с шестью сектами, в ходе которой Пэнлай, простоявший мириады лет, обратился бы в руины, а печать Пучины Рождения Демонов оказалась бы сорвана.

Мириады демонов вырвались бы наружу, неся гибель небесам и земле, а сам Чжоу Сывэй, истощив до капли все силы, рухнул бы в Пучину Рождения Демонов, где сгинул бы без остатка — так, что даже души не смогли бы спастись, умерев самой чистой и окончательной смертью.

Гибель predetermined Небесным Путем главного героя неминуемо повлекла бы за собой крах всего мира.

Цзян Жунъи вовсе не принял слова системы близко к сердцу и лениво взмахнул рукой:

— Разве нельзя просто повернуть время вспять и исправить сюжет?

Световой сгусток сделал круг вокруг Цзян Жунъи и сердито замер перед его носом:

— Думаешь, я сам не хочу?!

Видимо, бесстрастный электронный голос никак не мог передать всю полноту чувств системы, поэтому она даже потратила часть энергии, чтобы выписать в воздухе три огромных восклицательных знака.

Затем она растерянно произнесла:

— Я понятия не имею, на каком этапе сюжет дал сбой.

Цзян Жунъи неожиданно для себя припомнил то, что происходило ранее: всю положенную по сюжету программу он отыграл от и до, не пропустив ни единой строчки, и даже перевыполнил норму. Как он ни перебирал события в памяти, найти место, где произошла ошибка, не удавалось.

— Моей вины тут точно нет, — с уверенностью заявил Цзян Жунъи. — В прошлом я был отличным работником.

На самом деле у системы отыгрыша роли злодея имелась определенная доля свободы: она отвечала лишь за выдачу сюжетных заданий, а каким именно образом игрок их выполняет — её волновало мало.

Ради экономии сил в прошлых мирах Цзян Жунъи всегда действовал строго по подсказкам системы. Но поскольку мир Восхождения бессмертных был его последним заданием, он позволил себе немного расслабиться и пустить дело на самотек. И хотя в конце концов сценарий был успешно завершен, развивавшиеся по ходу дела события давно свернули куда-то не туда — на все сто восемьдесят градусов.

Кто знает, имело ли это хоть какое-то отношение к тому, что главный герой отбился от рук?

Впрочем, Цзян Жунъи вовсе не собирался брать на себя лишние хлопоты и озвучивать подобные догадки.

Видя, что его коллега по сотням прожитых жизней зашел в тупик, он по доброте душевной указал ему верный путь:

— Разве ты не можешь просто перезапустить сюжет?

Заставить историю Восхождения бессмертных начаться с чистого листа.

Система на мгновение умолкла, а затем, совсем как человек, тяжело вздохнула:

— Думаешь, я не хочу?

На данный момент перед ней стояли три непреодолимые трудности.

Первая: злодей Цзян Уван давным-давно бросил работу. Если перезапустить сюжет, Цзян Жунъи придется снова прилежно и добросовестно отыгрывать свою роль.

Вторая: полное название системы — система отыгрыша роли злодея. Главный герой не входит в сферу ее служебных обязанностей, тем более что отведенная ей сюжетная ветка уже

отыграна, и повлиять на главного героя у нее нет никакой возможности.

Третья: система уже собиралась покинуть мир Восхождения бессмертных, поэтому у нее просто не осталось столько энергии для проведения столь масштабного возврата во времени.

Цзян Жунъи протянул гласные, интересуясь:

— И что же?

— Поэтому мне нужна твоя помощь. — Световой шарик умоляюще замерцал. — Ты должен заставить Чжоу Сывэя вознестись.

Задача эта казалась весьма непростой.

Цзян Жунъи нахмурился:

— Но я боюсь, что при первой же встрече он просто прикончит меня на месте.

По идее, главный герой и злодей — заклятые враги, чье сосуществование в одном мире невозможно: либо он, либо я.

Учитывая познания Цзян Жунъи, стоило Чжоу Сывэю узнать, что он выжил, как тот на сто процентов бросился бы уничтожить его до конца.

Сказав это, он для пущей убедительности наигранно вздохнул и поднял свои белые, нежные руки:

— Сам взгляни на мои ручки-ножки, ой... я ведь еще и кровью харкаю.

Не имея ни медицинской страховки, ни пособия по безработице, Цзян Жунъи вовсе не горел желанием разгрести эти системные проблемы.

Сгусток света беспорядочно закружил вокруг, словно глубоко обдумав услышанное, и наконец нехотя выдал:

— Я дам тебе чит-код. Цзян Жунъи тут же охотно согласился:

— Ладно уж, чем тебе помочь?

Стоило погрузиться в рабочее состояние, как система сменила тон на бесстрашный механический и изложила Цзян Жунъи свой план.

Прежде всего, оставшейся энергии системы хватит лишь на трехдневный возврат времени назад, чтобы помочь главному герою избежать надвигающейся смертельной опасности.

Затем система перенесет главного героя к Цзян Жунъи.

И наконец, Цзян Жунъи должен выяснить, почему главный герой упорно не желает

возноситься. У него есть шесть месяцев: если по истечении этого срока главный герой всё так же не вознесется, миссия будет провалена.

Нынешний возврат времени исчерпает всю энергию системы, и вторую попытку сделать будет невозможно — шанс всего один.

— Понятно?

Цзян Жунъи сложил ладони:

— Понятно, устроим Чжоу Сывэю скорейший полет на небеса.

— Возврат времени начинается: три, два, один!

— Постой-ка, ты же так и не сказал, что за золотой палец мне достался, — спохватился Цзян Жунъи. Система вряд ли стала бы увиливать от обязательств, вот только оставалось загадкой, какой именно дар она ему выделит.

Однако у системы не было времени на объяснения: стоило отсчету завершиться, как все окружающие пейзажи начали блекнуть, пространство исказилось в головокружительный калейдоскоп, звуки пропали начисто, и он остался совсем один посреди бесконечной темноты.

Цзян Жунъи привычно зажмурился.

Три дня назад в клане Цзян проходило испытание духовных костей.

Цзян Юньси, происходившая из боковой ветви клана Цзян, по своему природному таланту превзошла все те перспективные молодые ростки, над возвращением которых клан трудился в поте лица.

Все взгляды присутствующих сошлись на этой хрупкой фигурке.

Кто-то изумленно ахал, кто-то скрипел зубами от злости.

Пока старейшина, проводивший испытание, наконец не объявил результат:

— Девять иньских тел!

Толпа зашумела.

Цзян Жунъи открыл глаза и с мучительным стоном судорожно втянул воздух, поморщившись от боли.

— Будь проклят этот возврат времени.

Перемещение вспять времени ложилось тяжким бременем на тело, и нынешний слабый организм Цзян Жунъи попросту не вынес бы такого потрясения. Кровь в жилах мгновенно вскипела, и коварный солоноватый привкус подступил прямо к горлу.

Не успел он выплюнуть эту кровь, как знакомая фигура рухнула прямо на кровать, заставив его насильно проглотить кровавую волну обратно.

Чжоу Сывэй тихонько лежал рядом с Цзян Жунъи.

Кровать оказалась узковата, так что два взрослых мужчины тесно прижались друг к другу, и Цзян Жунъи, стоило ему лишь повернуть голову, мог во всех подробностях разглядеть чужое лицо.

Будучи прирожденным главным героем романа «Восхождение к бессмертию», Чжоу Сывэй, разумеется, обладал весьма привлекательной внешностью — по крайней мере, способной волновать девичьи сердца.

Широкие брови, подобные мечам, и пронзительные звездные глаза, виски словно вырезаны ножом, а копна черных волос собрана на затылке. Спал он беспокойно, и на его лице то и дело проступали следы внутренней борьбы и боли.

На Чжоу Сывэе была форменная одежда секты Шанъянь. Цзян Жунъи помнил, что во время их последней встречи оба были облачены именно в такие наряды.

Ткань глубокого синего цвета, а манжеты и воротник окаймлены темно-золотой тесьмой, на которой отчетливо угадывался мерцающий узор в виде священных цветов баосянь.

Цзян Жунъи опустил руку на грудь Чжоу Сывэю и сквозь несколько слоев одежды почувствовал исходящий снизу жар. Всё тело юноши было покрыто рубцами и шрамами.

Это следы от ударов, которые Цзян Жунъи нанес ему в годы великой войны между праведными и темными силами.

Глубокие раны, достающие до костей, в развороченной плоти хранили свирепую и убийственную ци меча Десяти Адов, которая без устали разъедала плоть.

Этого не должно быть.

С нынешней культивацией Чжоу Сывэя было просто невозможно, чтобы эти рубцы не затянулись.

Чем выше уровень культивации, тем крепче становилось тело, и любые не смертельные раны заживали сами собой. Однако Цзян Жунъи чувствовал, что на тех старых шрамах помимо ци меча Десяти Адов затаилась какая-то чужеродная духовная энергия, которая и мешала телу исцелиться.

Цзян Жунъи провел пальцем по шрамам на груди, забирая обратно ци меча Десяти Адов, и не прошло и мгновения, как терзавшая Чжоу Сывэя целый век боль стала постепенно утихать.

Чжоу Сывэй, словно что-то почувствовав, тихо застонал и медленно приоткрыл глаза.

Цзян Жунъи не успел убрать руку и так и замер, нависая над ним, лицом к лицу столкнувшись с темными, как ночной мрак, глазами. Лишь на столь близком расстоянии Цзян Жунъи заметил, что на самом деле глаза у того синие — настолько густые, что казались неразбавленной тушью, и лишь в самой глубине проступал чистый, пронзительно-ясный лазурный оттенок.

И что же делает Чжоу Сывэй? Неужели убьет его?

Цзян Жунъи слегка прищурился, разглядывая растерянное лицо юноши.

— Ты... — Чжоу Сывэй нахмурил брови-мечи. В голове царил полный хаос, прошлое и вовсе

вылетело из головы, начисто стершееся из памяти, да и сам он понятия не имел, где находится. — Ты кто?

Во время возврата времени неизбежно случаются сбои.

Исполнив свое предназначение, система растворилась в мире «Восхождения к бессмертию», полностью исчерпав запас энергии.

Уходя, она так и не успела предупредить Цзян Жунъи об одной очень важной детали.

Чтобы главный герой не догадался о повороте времени вспять, система решительно и наотмашь запечатала всю память самого главного героя.

Цзян Жунъи за доли секунды перебрал в уме несколько вариантов поведения, но никак не ожидал, что Чжоу Сывэй потеряет память.

Он выпрямился, подался вперед и в упор уставился на Чжоу Сывэя, пытаясь всерьез понять, не шутит ли тот часом.

Чжоу Сывэй на мгновение потерял дар речи. С его ракурса прекрасно были видны густые пушистые ресницы; стоило им разок взмахнуть, как легкое движение отзывалось в самом сердце мягким, едва уловимым щекотливым касанием, от которого нестерпимо сладко замирала душа.

Он невольно затаил дыхание, боясь спугнуть человека перед ним.

Спустя секунду Цзян Жунъи поднял голову, расплывшись в сияющей, цветущей улыбке.

— Я твой отец.

## 8.8

— Братец! — дверь распахнулась, и в комнату влетела трепещущая Цзян Юньси. — У меня есть духовные кости! Я стану бессмертной!

Несмотря на свой не по годам развитый ум, она не удержалась и впервые проявила чисто девичью капризную нежность.

Вовсю сияя от восторга, Цзян Юньси закружилась посреди комнаты, даже не заметив, что на кровати ее брата откуда-то взялся посторонний.

Оба человека на постели замерли друг напротив друга.

Чжоу Сывэй приоткрыл рот, собираясь что-то произвести.

Цзян Жунъи поспешно зажал ему рот ладонью, опережая любые звуки.

Холодноватые пальцы легли прямо на губы, отчего тело Чжоу Сывэя мгновенно оцепенело. Он напрочь забыл, что собирался сказать, и в упор уставился на эту руку.

Белая, изящная, с розоватыми лунками ногтей.

— Братец? — только тут Цзян Юньси заметила неладное и, перегнувшись через край, заглянула на кровать. — Братец, а это кто?

Цзян Жунъи так плотно загородил лежавшего за его спиной человека, что разглядеть чужие черты лица было совершенно невозможно.

— Юньси, ты собираешься в Пэнлайскую обитель бессмертных? — Цзян Жунъи ловко перевел тему, отвлекая внимание девочки.

— Я хочу пойти, но как же братец?

Стоило уехать в обитель, как у нее наверняка не останется возможности заботиться о брате.

При этой мысли вся прежняя радость тут же сменилась горькими сомнениями. Цзян Юньси нахмурилась, тяжело раздумывая.

— Может... тогда не ехать? Я должна заботиться о братце.

Перед лицом туманного пути самосовершенствования родной и близкий человек оставался куда важнее.

— Хорошая девочка, — Цзян Жунъи поманил ее пальцем и снял с пальца собственный пространственный перстень.

Цзян Юньси подошла к постели и обеими руками приняла скромное кольцо, озадаченно взглянув на брата.

Цзян Жунъи на ходу выдумал историю:

— Семейное сокровище. Возьми его и отправляйся в Пэнлай.

Внутри перстня грудами лежали неисчислимые залежи духовных камней и бесценных целебных трав, которые для самого Цзян Жунъи уже не представляли никакой ценности.

— А братец со мной не поедет?

Стоило Цзян Жунъи услышать название Пэнлайской обители, как у него тут же начинала болеть голова.

— Не поеду.

После долгих уговоров Цзян Юньси наконец согласилась в одиночку отправиться в Пэнлай, оставив хилого и болезненного братца в городе Шанъинь.

Когда Цзян Юньси с тяжелым сердцем удалилась, в комнате снова остались лишь двое.

На чем они там остановились?

Цзян Жунъи обернулся, собираясь продолжить прерванный разговор, но Чжоу Сывэй внезапно перехватил его руку, всё это время бездумно махавшую перед глазами.

— Не балуйся.

В голосе Чжоу Сывэй слышалось столько переполняющей нежности, что она вот-вот готова была выплеснуться через край.

Он понятия не имел, кем приходился ему этот человек. Скажи кто другой столь безумную

глупость вроде я твой отец, его бы непременно жгло суровое наказание, но из уст этого человека подобные слова звучали донельзя мило.

— Хватит баловаться.

Вместо этого Чжоу Сывэй бережно притянул его в объятия, словно заполучил обратно утерянное и вновь обретенное сокровище, такое драгоценное, что от радости хотелось плакать.

На сей раз настала очередь Цзян Жунъи чувствовать себя абсолютно не в своей тарелке.

Он уже было собирался возмутиться, как вдруг почувствовал, как капелька влаги упала ему на щеку, разбившись на крошечные осколки, и один из них угодил прямо в уголок рта.

Соленая. Он инстинктивно провел кончиком языка по губам.

Чжоу Сывэй плакал. Без единого звука, молча уроня слезу за слезой, и все они катились прямо на лицо Цзян Жунъи.

Этот человек действительно плакал.

Цзян Жунъи знал его уже несколько веков, но еще ни разу не видел, чтобы тот проронил хоть слезинку.

Ни тогда, когда вся его многолетняя культивация в одночасье превратилась в ничто и гордый сын небес рухнул с высоты; ни тогда, когда его предал самый близкий человек.

Этот соленый вкус внезапно сменился жгучей горечью, густо пропитавшей легкие и сердце.

Цзян Жунъи моргнул, наблюдая за падением очередной прозрачной капли.

Разве была в этом нужда? — подумалось ему. Ведь в конце концов, в прошлой жизни удар мечом в спину получил именно он.

— Эй, Чжоу Сывэй, побойся совести, такой здоровяк, а всё ревешь, — Цзян Жунъи протянул руку и смахнул слезы со щеки. — Чего тут вообще плакать?

Ты же главный герой, у тебя по определению жизнь удалась.

<http://bllate.org/book/22488/2371109>